

18+

ИЛЬЯ ИГИН

Советский патриотизм

Истоки, институты,
практики (1917–1941)

Илья Игин

**Советский патриотизм. Истоки,
институты, практики (1917–1941)**

«Издательские решения»

Игин И.

Советский патриотизм. Истоки, институты, практики (1917–1941)
/ И. Игин — «Издательские решения»,

Новая книга «Патриотическое воспитание в СССР. От революции 1917 до 1941 г.» раскрывает забытые механизмы формирования личности. От первых комсомольских ячеек и ликбеза до героики ГТО и образа «врага». Вы узнаете, как идеология внедрялась в школу, пионеррию и семью. Почему патриотизм стал главной скрепой расколотого общества? Анализ документов, печатных материалов и учебников. Для историков, педагогов и всех, кому небезразлична логика советской эпохи.

© Игин И.

© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1. Рождение «Нового человека»: Теоретико-методологические основания патриотического воспитания в период социальной трансформации (1917 — начало 1930-х гг.)	6
Глава 2. Хронологические рамки исследования: От революции до войны как эпоха становления педагогической парадигмы	9
Глава 3. Историографический обзор: Эволюция оценок советского патриотического воспитания (1917—1941) в отечественной и зарубежной науке	13
Глава 4. Источниковая база и методологические ориентиры формирования патриотического воспитания (1917—1941)	17
Глава 5. База исследования: печатные материалы и учебники как зеркало эпохи	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Советский патриотизм Истоки, институты, практики (1917—1941)

Илья Игин

© Илья Игин, 2026

ISBN 978-5-0070-0725-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Глава 1. Рождение «Нового человека»: Теоретико-методологические основания патриотического воспитания в период социальной трансформации (1917 — начало 1930-х гг.)

1.1. Актуальность историко-педагогического анализа: идентичность как инструмент выживания государства

Актуальность обращения к опыту патриотического воспитания в СССР 1920—1930-х годов лежит далеко за пределами простого перечисления исторических фактов. Сегодня, когда мир вновь переживает эпоху цивилизационных сдвигов, крушения прежних систем координат и попыток построения новых форм социальной идентичности, советский опыт представляет собой уникальную лабораторию по конструированию человека.

Главная проблема, объединяющая эпоху 1917 года и современность, — это **проблема антропологического разрыва**. После Октябрьской революции государство столкнулось с ситуацией полного слома «старой государственности»: рухнула не только политическая система Российской империи, но и система ценностей, традиционная семья, религиозная мораль, иерархия сословий. В этих условиях идентичность не могла передаваться по наследству (по праву рождения или крещения), она должна была быть *сконструирована заново* в условиях острейшей классовой борьбы и хозяйственной разрухи.

Актуальность исторического опыта заключается в поиске ответа на вопрос: *как система образования и воспитания становится главным инструментом государственного строительства в условиях отсутствия иных форм легитимности?* В 1920-е годы Советская власть, изначально провозгласившая идею «отмирания государства», парадоксальным образом пришла к созданию самой тотальной в истории человечества системы государственного патриотического воспитания. Этот парадокс составляет суть драматизма исследуемого периода: из интернационального революционного порыва родилась практика формирования жесткой советской национально-государственной идентичности, адаптированной к условиям «капиталистического окружения» и мобилизационной экономики.

1.2. Теоретические истоки: от интернационализма к «красному патриотизму»

Формирование идентичности в первый послереволюционный период проходило под знаком жесткого отрицания всего «старого мира». В педагогике это выразилось в отрицании дореволюционной классической школы, которую большевики квалифицировали как инструмент сословного угнетения и русификации. Однако эволюция понимания патриотизма в первой половине исследуемого периода (1917—1941) прошла путь от воинствующего интернационализма и отрицания понятия «Родина» (как буржуазной категории) до возвращения в официальный дискурс терминов «Отечество» и «патриотизм», окрашенных в социалистические тона.

В рамках данной главы необходимо выделить три ключевых теоретических источника, на которых строилась новая педагогика:

— **Классовый подход (пролетарский интернационализм)**. В первые годы после революции патриотизм трактовался исключительно как верность делу мирового пролетариата. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» противопоставлялся национальному эгоизму. Воспитание начиналось с отрицания привязанности к «своей хижине», если она противоречила классовому сознанию. Это породило сложный конфликт в педагогической практике:

нужно было научить ребенка любить *советскую* страну, но при этом быть готовым к ее жертве во имя мировой революции.

— **Концепция «отмирания государства» и коммунистическое воспитание.** Работы Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, а также теоретиков педологии (М. Я. Басов, П. П. Блонский) провозглашали задачу воспитания «всесторонне развитой личности» будущего коммунистического общества. Патриотизм на этом этапе понимался не как военно-государственный долг, а как высокая сознательность, коллективизм и способность к самоуправлению. Парадокс заключался в том, что воспитание «свободной личности» в рамках жесткой однопартийной диктатуры требовало сложнейших педагогических манипуляций, которые со временем трансформировались в репрессивные механизмы.

— **Возвращение к государственничеству (1930-е гг.).** К середине 1930-х годов, с отказом от идей мировой революции и принятием курса на построение социализма в отдельно взятой стране, произошла кардинальная переоценка ценностей. В педагогику вернулись категории «честь», «долг», «героизм». Именно в этот период происходит пересборка идентичности: из «гражданина мира» ребенок превращается в «защитника социалистического Отечества». Этот переход был болезненным, так как требовал отказа от интернациональной риторики в пользу великодержавной, что нашло отражение в школьных учебниках истории и новой системе военизированной подготовки.

1.3. Институциональный слом и поиск новой «формулы» идентичности

Расширенная первая глава требует детального анализа институционального аспекта: что происходило с механизмами трансляции ценностей после 1917 года?

Разрушение прежних институтов.

Революция уничтожила три столпа традиционной социализации: **церковь** (через декрет об отделении церкви от государства и школы), **сословную семью** (через упрощение бракоразводных процессов и попытку возложить функции воспитания на государство) и **классическую гимназию**.

Образовался вакуум. Вопрос «Кто будет воспитывать детей?» встал острее вопроса о продовольствии. Именно в этот период рождается феномен «социального заказа» педагогике: государство формулирует не просто образовательные стандарты, а *антропологический идеал*.

Формирование новой институциональной среды.

В качестве ответа на разрушение старой системы в 1920—1930-е годы возникают уникальные институты воспитания, каждый из которых нес свою смысловую нагрузку для формирования идентичности:

— **Единая трудовая школа (ЕТШ).** Ставка на политехнизм и самоуправление. Идентичность здесь формировалась через труд (связь с производством) и коллективную ответственность. Однако школа быстро столкнулась с конфликтом между идеей «свободного воспитания» (педология) и необходимостью жесткой унификации.

— **Пионерская организация (с 1922 г.).** Стала главным инструментом внеклассной политической социализации. Пионерское движение взяло на себя функцию морального авторитета, который ранее принадлежал церкви. Атрибутика (галстук, салют, законы пионеров) создавала ритуализированное пространство, где абстрактное понятие «Родина» обретало конкретные формы долга («Будь готов!»).

— **Детские дома и коммуны (опыт А. С. Макаренко).** Гражданская война породила чудовищную проблему беспризорности. Опыт Макаренко в колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского стал классическим примером того, как в условиях кризиса (социального дна) строилась новая идентичность. Макаренко отбросил идеи «свободного воспитания» и вернулся к дисциплине, долгу и «мажорному тону» (коллективному оптимизму), доказав, что чувство патриотизма (малой родины — колонии, затем большой страны) эффективно прививается через коллективную ответственность и защиту чести своего коллектива.

1.4. Методологические противоречия: свобода vs. необходимость

Главная историко-педагогическая коллизия, которую необходимо осветить в первой главе, — это противоречие между методологией и политической практикой.

1920-е годы были временем педагогического романтизма. Доминировала идея, что новый человек вырастет сам в процессе освобожденного труда и коллективной жизни, если убрать «буржуазные перегородки». Педология предлагала рассматривать ребенка как сложный биосоциальный феномен, требующий индивидуального подхода. Однако уже к концу 1920-х годов под давлением задач индустриализации и подготовки к «военной угрозе» этот подход был признан антигосударственным.

Перелом 1929—1931 годов. Постановления ЦК ВКП (б) о школе (1931—1932) положили конец педагогическому плюрализму. Патриотическое воспитание окончательно перестало быть «воспитанием сознательности» и стало жесткой дисциплинарной системой. В первой главе важно показать, как менялась риторика:

— От: «*Ребенок — кузнец своего счастья*» (1920-е).

— К: «*Школа — это боевой резерв революции*» (1930-е).

Этот сдвиг знаменовал отказ от идеи «отмирания государства» в пользу идеи «укрепления государства». Именно здесь лежит исток того парадоксального явления, которое мы наблюдаем к 1941 году: советский патриотизм, рожденный из интернациональной революции, превратился в мощную мобилизационную систему, основанную на исторических мифах (героизация Александра Невского, Суворова, Кутузова) и советской государственной символике.

1.5. Выводы: идентичность как проект

Подводя итог первой главы, необходимо зафиксировать, что к началу 1940-х годов в СССР сложилась уникальная система патриотического воспитания, отличная как от дореволюционной (имперской), так и от западных моделей. Ее главной чертой стала **идеологическая гибкость при жесткости форм**: пройдя путь от отрицания нации к нациестроительству, система воспитания доказала свою способность к быстрой трансформации в зависимости от внешних угроз.

Актуальность изучения этого опыта для современности состоит в понимании того, что в периоды слома государственности именно **педагогика становится приоритетным направлением политики**. Формирование идентичности в СССР 1917—1941 гг. не было стихийным процессом; это был спланированный (хотя и противоречивый) проект, в рамках которого решалась задача превращения «человека распавшейся империи» в «человека мобилизационного общества».

Глава 2. Хронологические рамки исследования: От революции до войны как эпоха становления педагогической парадигмы

2.1. Проблема периодизации в историко-педагогической науке

Выбор хронологических границ исследования — от Октябрьской революции 1917 года до начала Великой Отечественной войны (июнь 1941 года) — не является произвольным. В историко-педагогической литературе длительное время велась дискуссия о том, считать ли данный период целостным этапом или же разделять его на отдельные, подчас антагонистические отрезки (эпоха «военного коммунизма», нэп, годы первых пятилеток).

В рамках данной работы мы исходим из концепции, согласно которой четверть века, отделяющая штурм Зимнего от начала самой кровопролитной войны XX века, представляет собой *единый макроцикл* становления советской педагогической системы. Внешние разрывы (смена экономических курсов, ужесточение политического режима) не отменяют глубинной преемственности в главном: формировании принципиально нового антропологического идеала — «человека советского», где категории патриотизма, коллективизма и классовой солидарности были неразрывно спаяны.

Обоснование выбранных рамок требует ответа на три ключевых вопроса:

— Почему именно 1917 год является точкой отсчета?

— Почему 1941 год является конечной границей?

— Какие процессы, начавшиеся в этот период, определили логику развития патриотического воспитания на десятилетия вперед?

2.2. 1917 год: Антропологический разрыв и педагогический «нулевой цикл»

Октябрьская революция стала не просто сменой политической элиты, но попыткой радикальной трансформации онтологических основ воспитания. Если дореволюционная российская педагогика (в лице К. Д. Ушинского, П. Ф. Каптерева и др.) базировалась на триаде «Православие — Самодержавие — Народность», где патриотизм понимался как органичная связь с историей, культурой и религиозными традициями, то после 1917 года происходит *антропологический разрыв*.

Старое понимание патриотизма было объявлено «великодержавным шовинизмом» и «поповщиной». Первые декреты советской власти (Декрет о мире, Декрет о земле, Декларация прав народов России) закладывали идеологическую матрицу, где лояльность новой власти отождествлялась с интернационализмом. Однако парадокс этого периода заключался в том, что именно в годы Гражданской войны (1918—1922) началось формирование того *механизма мобилизационной педагогики*, который впоследствии станет ядром патриотического воспитания.

Включение 1917 года в хронологические рамки принципиально важно, поскольку именно в это время:

— **Ликвидируется преемственность.** Разрушается прежняя система учебных заведений, упраздняются сословные структуры воспитания. Патриотизм больше не может быть «наследственным», он становится «завоеванным».

— **Формируется новый язык.** Понятия «защита Отечества» трансформируются в «защиту завоеваний революции». Отечество — это не территория и не история предков, а пролетарское государство, находящееся в кольце врагов.

— **Возникает институциональная база.** Создание Главполитпросвета, комиссариатов по просвещению на местах, а затем пионерской организации (1922) закладывает вертикаль управления воспитанием, которая будет действовать вплоть до распада СССР.

Таким образом, включение в анализ событий 1917—1920 годов позволяет увидеть «нулевой цикл» строительства советской педагогики, когда старые скрепы были демонтированы, а новые только начинали собираться из подручных материалов революционной мифологии.

2.3. Динамика 1920—1930-х годов: От «отмирания государства» к «государственному патриотизму»

Если верхняя граница периода (1917) фиксирует момент разрыва с традицией, то нижняя граница (1941) фиксирует момент, когда новая традиция обрела законченные, монументальные формы. Между этими точками лежит сложная эволюция педагогических доктрин, которую условно можно разделить на три фазы, объединенные единым вектором — поиском эффективной модели социализации.

Фаза 1: 1920-е годы — «Свободное воспитание» и классовый подход.

В это время доминирует теория «свободного воспитания» (В. Н. Шульгин, М. В. Крупнина, отчасти Н. К. Крупская), отрицающая школу как «аппарат отчуждения». Патриотизм в классическом понимании отрицался как «буржуазный пережиток». Вместо него культивировался «пролетарский интернационализм» и идея «отмирания государства». Однако именно в это время закладываются *формы* будущей системы: детские коммуны, скаутинг, трансформированный в пионерии, методы коллективного труда. Парадокс 20-х годов заключается в том, что при отрицании государственного патриотизма шло активное строительство инфраструктуры коллективного воспитания, которая станет идеальной средой для воспитания «человека государственного» в следующем десятилетии.

Фаза 2: Конец 1920-х — середина 1930-х годов — «Педагогический перелом».

Это ключевой период для понимания выбранных хронологических рамок. Постановление ЦК ВКП (б) от 5 сентября 1931 года «О начальной и средней школе» знаменует отказ от педологии и «свободного воспитания» в пользу жесткой дисциплины, стабильных учебных планов и классно-урочной системы. Параллельно происходит *идеологический поворот* от «мировой революции» к строительству социализма в отдельно взятой стране.

В эти годы (особенно после 1934 года, когда был принят школьный устав и введены исторические экзамены) патриотическое воспитание обретает свои классические черты:

— Восстанавливается преподавание гражданской истории (вместо обществоведения) с акцентом на героическое прошлое России (Александр Невский, Петр I, Суворов, Кутузов).

— Появляется система государственных наград (ордена Ленина, Красной Звезды), звание Героя Советского Союза (1934), что формирует пантеон героев для подражания.

— Возникает концепция «советского патриотизма» как синтеза национальной гордости и классовой преданности.

Фаза 3: Конец 1930-х годов (1937—1941) — «Мобилизационная готовность».

Этот период часто выпадает из поля зрения исследователей как «предвоенный», но именно он является критически важным для завершения формирования базовых принципов. Нарастание военной угрозы (гражданская война в Испании, конфликт на Халхин-Голе, советско-финляндская война) переводит систему воспитания в режим «осадного сознания».

В эти годы:

— Вводится всеобщая воинская обязанность (1939) и обязательное начальное военное обучение (НВП) в школах.

— Происходит окончательная милитаризация пионерской и комсомольской организаций.

— Патриотизм становится синонимом бдительности. Формируется образ врага (как внешнего, так и «внутреннего»), что завершает создание бинарной системы «свой — чужой», столь важной для мобилизационной педагогики.

2.4. Обоснование 1941 года как рубежа завершения формирования базовых принципов

Начало Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года традиционно рассматривается как катастрофический разрыв мирной жизни. Однако с точки зрения педагогической доктрины, война стала не разрушением системы воспитания, а ее *высшей проверкой и кульминацией*.

Включение предвоенного периода в хронологические рамки вплоть до 1941 года (а не, скажем, до 1939 или 1937) позволяет доказать тезис о том, что к моменту нападения Германии в СССР уже существовала полностью сформированная, отлаженная и идеологически единая система патриотического воспитания. Великая Отечественная война не создала новых педагогических принципов — она лишь экстраполировала существовавшие (коллективизм, жертвенность, культ вождя, восприятие страны как осажденной крепости) на экстремальные условия фронта и тыла.

Если бы мы ограничили исследование 1937 или 1939 годом, мы не смогли бы в полной мере оценить степень готовности педагогического сообщества и школьников к тотальной мобилизации. Именно в 1939—1941 годах (введение значка ГТО, Ворошиловского стрелка, подготовка санитарных дружин) система перешла из стадии «идеологического просвещения» в стадию «прикладной обороноспособности».

2.5. Значение выбранного периода для понимания советской педагогики

Выделение периода 1917—1941 гг. как времени *формирования базовых принципов* имеет принципиальное значение для историко-педагогической науки.

Во-первых, именно в эти годы были разработаны и институционализированы методы, которые позднее (в 1945—1950-х, 1960—1980-х) будут лишь воспроизводиться или незначительно модифицироваться, но не заменяться кардинально. Речь идет о таких принципах, как:

— **Партийность (идеологическая направленность):** Любое воспитательное воздействие должно служить задачам коммунистического строительства.

— **Коллективизм:** Коллектив рассматривается не как условие, а как главное средство воспитания (опыт А. С. Макаренко, создавшего свои главные педагогические системы — Колонию им. Горького и Коммуну им. Дзержинского — именно в этот период).

— **Политехнизм и связь с трудом:** Патриотизм воспитывается не только через слово, но и через участие в индустриализации (тимуровское движение зародилось в конце 1930-х).

— **Синтез национального и интернационального:** Сложный баланс между гордостью за русскую культуру и верностью «мировой революции», который был найден именно к концу 1930-х годов.

Во-вторых, данный период позволяет проследить диалектику становления «советского человека». Мы видим, как педагогика реагирует на вызовы времени: сначала — утопический проект «нового человека» без прошлого, затем — прагматичный поворот к государственному национализму и дисциплине, и наконец — переход к милитаризованной модели воспитания.

2.6. Выводы по главе

Хронологические рамки «1917 — июнь 1941» представляют собой не просто хронологический отрезок, а заверченный историко-педагогический цикл.

— **Точка отсчета (1917)** фиксирует момент тотального разрыва с дореволюционной традицией и начало эксперимента по созданию «пролетарской педагогики».

— **1920—1930-е годы** являются временем напряженного поиска, проб и ошибок, в ходе которых из хаоса революционных экспериментов кристаллизуется стройная, жесткая иерархическая система воспитания, соединяющая классовый подход с государственным патриотизмом.

— **Конечная граница (1941)** знаменует момент, когда эта система достигла состояния функциональной зрелости и была готова к экстремальному стресс-тесту войной.

Таким образом, выбранный период позволяет изолированно рассмотреть процесс становления советской модели патриотического воспитания, в то время как последующий период

(1941—1945) — это период ее *функционирования* в режиме войны, а послевоенный период — период *консервации и рутинизации* сложившихся практик. Понимание логики развития педагогики в эти четверть века дает ключ к объяснению феномена массового героизма на полях сражений Великой Отечественной, а также устойчивости советской воспитательной парадигмы на протяжении всего существования СССР.

Глава 3. Историографический обзор: Эволюция оценок советского патриотического воспитания (1917—1941) в отечественной и зарубежной науке

Введение

Историография проблемы патриотического воспитания в СССР представляет собой сложное, концентрическое поле научных дискуссий, где переплетаются идеологические установки, методологические подходы и политическая конъюнктура. Оценка периода от революции 1917 года до начала Великой Отечественной войны претерпела кардинальные изменения: от апологетики первых послереволюционных лет через жесткий идеологический монизм сталинской эпохи к методологическому плюрализму постсоветского времени. В зарубежной науке, напротив, этот период долгое время служил полем критики тоталитаризма, однако в конце XX — начале XXI века здесь также наметился сдвиг в сторону микроисторических и антропологических подходов. Цель данной главы — выявить основные этапы, ключевые фигуры и парадигмальные сдвиги в осмыслении феномена советского патриотизма межвоенного двадцатилетия.

3.1. Советская историография: от «революционной романтики» к партийному канону

3.1.1. 1920-е — начало 1930-х гг.: Педагогический поиск и идеологический плюрализм

Первое послереволюционное десятилетие характеризовалось отсутствием унифицированной трактовки патриотизма. В работах педагогов-теоретиков (Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, П. П. Блонский, С. Т. Шацкий) понятие «патриотизм» было если не табуировано, то подвергнуто серьезной ревизии. Историография этого периода (работы В. Н. Шульгина, М. В. Крупениной, позднее — А. С. Макаренко) отражала борьбу двух подходов: «отмирания» национального чувства в интернациональном воспитании и попыток синтеза «пролетарского интернационализма» с «революционной оборонностью».

Ключевой особенностью историографических текстов 1920-х годов была их дискуссионность. В научно-педагогической периодике (журналы «На путях к новой школе», «Педагогическая мысль») активно обсуждались методы формирования «классового самосознания», которое тогда фактически подменяло собой понятие патриотизма. Оценки носили утилитарный характер: эффективность воспитания измерялась степенью вовлеченности детей в пионерское движение и комсомольскую работу. К началу 1930-х годов, с завершением периода «бури и натиска» в педагогике, историография начинает унифицироваться: исчезают ссылки на Шульгина и Блонского как на «авторитетов», а на первый план выходит концепция «политической грамотности».

3.1.2. Середина 1930-х — 1950-е гг.: Становление сталинистской историографической модели

Поворотным моментом стало Постановление ЦК ВКП (б) от 1931 года «О начальной и средней школе», положившее конец экспериментам, и последующие идеологические кампании середины 1930-х годов (восстановление исторического образования, введение единых учебников). Историография патриотического воспитания этого времени становится частью партийной пропаганды.

Главной чертой становится концепция *советского патриотизма* как высшей формы проявления национальной гордости, синтезированной с социалистической идеологией. Научные труды этого периода (работы И. А. Каирова, Е. Н. Медынского, а также многочисленные сбор-

ники статей Института теории и истории педагогики АПН РСФСР) выполняли не столько исследовательскую, сколько нормативную функцию.

В историографии 1930—1950-х годов закрепляется миф о единстве партии и народа в деле воспитания «нового человека». Оценка дореволюционного периода и первых лет советской власти становится резко негативной в части «левацких уклонов» (отрицание семьи, национальных традиций), однако сам процесс централизации и унификации воспитания под эгидой партии оценивается исключительно позитивно. Исследования этого времени лишены рефлексии; главным методом выступает иллюстрирование партийных директив примерами из практики школ и комсомольских организаций.

3.1.3. 1960—1980-е гг.: Расширение источниковой базы и концептуализация понятия

Хрущевская «оттепель» и последующий период «развитого социализма» принесли в историко-педагогическую науку оживление. Формально сохраняя идеологическую лояльность, историография начинает углубляться в содержательные аспекты. Выходят фундаментальные труды по истории педагогики (под редакцией Ф. Ф. Королева, Н. А. Константинова), где период 1917—1941 гг. впервые рассматривается не просто как политическая хроника, а как этап становления педагогической системы.

Ключевыми темами этого периода в отечественной историографии становятся:

— **Проблема традиций и новаторства.** Исследователи (М. Г. Плохова, В. А. Сластенин) начинают осторожно анализировать использование дореволюционного исторического наследия (героика Суворова, Кутузова) в патриотическом воспитании 1930-х годов, что было запретной темой в предшествующий период.

— **Роль комсомола и пионерии.** Появляются масштабные работы (В. В. Лебединский, М. Н. Алемаскин), в которых детально исследуются механизмы вовлечения молодежи в оборонно-массовую работу (Осоавиахим, ГТО).

— **Великая Отечественная война как водораздел.** Историография 1970-х годов начинает рассматривать довоенный период (1917—1941) как «фундамент» морально-политического единства, проявившегося в годы войны. Оценка становится телеологической: все процессы 1920—1930-х годов интерпретируются как подготовка к грядущей победе.

Несмотря на расширение проблематики, методологический горизонт оставался ограничен марксистско-ленинской теорией. Критика «троцкистских извращений» в педагогике 1920-х годов была обязательным ритуалом, а анализ издержек коллективизации, голода или репрессий в контексте воспитания был полностью исключен.

3.1.4. Постсоветская историография (1990-е — 2020-е гг.): Деконструкция и поиск новых моделей

Распад СССР привел к методологическому кризису и одновременно к эмансипации историко-педагогического знания. Историография 1990-х годов (работы Г. Б. Корнетова, М. В. Богуславского, К. И. Салимовой) характеризуется радикальным пересмотром оценок.

Основные тенденции:

— **Отказ от классового подхода:** Патриотическое воспитание начинает рассматриваться не как инструмент пролетарской диктатуры, а как механизм конструирования идентичности.

— **Введение в оборот архивных материалов:** Исследователи получают доступ к фондам, раскрывающим реальное состояние воспитательной работы, включая репрессии против педагогов, сопротивление крестьянства коллективизации и реальную эффективность (часто низкую) идеологических кампаний. Работы В. П. Мельникова, А. Н. Рыжова показывают разрыв между пропагандистскими нарративами и повседневной практикой.

— **Проблематизация понятия «советский патриотизм»:** В историографии 2000—2010-х годов (М. А. Маслин, А. Ю. Рожков) активно обсуждается тема «красного патрио-

тизма» (лояльность идее мировой революции) и его трансформации в «государственный патриотизм» (национал-большевизм) в середине 1930-х годов. Этот период уже не оценивается однозначно негативно или апологетически; акцент делается на амбивалентности процессов.

В современной российской историографии наблюдается возвращение интереса к довоенному периоду в связи с государственным заказом на патриотическое воспитание. Это порождает методологическую напряженность: с одной стороны, сохраняется стремление к объективности, с другой — усиливается запрос на поиск «исторических корней» и позитивных практик, которые можно реинтегрировать в современную образовательную систему.

3.2. Зарубежная историография: От теории тоталитаризма к социальной истории

3.2.1. «Советология» и холодная война (1940—1960-е гг.)

В западной науке (прежде всего американской и британской) формирование оценок патриотического воспитания в СССР происходило в контексте холодной войны. Доминирующей стала **тоталитарная школа** (З. Бжезинский, К. Фридрих, позднее — Р. Конквест). Историография этого периода рассматривала советскую систему воспитания как инструмент «промывания мозгов» (brainwashing).

Ключевые работы этого времени (например, Г. Инклес «Советское общество», Н. Тимашев «Советское воспитание») трактовали патриотизм исключительно как суррогат религии, насильственно внедряемый для легитимации сталинской диктатуры. Период 1917—1941 гг. оценивался как время «конвейера» по производству «гомосоветикуса» — человека, лишённого автономии. Отсутствие доступа к советским архивам приводило к тому, что исследования базировались на анализе официальных публикаций, мемуарах эмигрантов и материалах эмиграции, что создавало перекося в сторону критики институтов (комсомол, пионерия) без анализа их восприятия населением.

3.2.2. Ревизионизм и школа социальной истории (1970—1980-е гг.)

С 1970-х годов в западной славистике происходит «антропологический поворот». Историки нового поколения (Ш. Фицпатрик, В. Зелизер, Дж. Брудер) отказываются от жесткой модели тоталитаризма в пользу изучения «повседневности» и «снизу вверх».

В рамках этого подхода оценка патриотического воспитания становится более нюансированной. Шейла Фицпатрик в работах о культурной революции и социализации молодежи показала, что процесс формирования патриотизма был не просто односторонним насилием, а сложным полем взаимодействия (negotiation) между государством и обществом. Дети и подростки выступали не пассивными объектами индоктринации, но активными агентами, которые адаптировали официальные нарративы для собственных нужд (получение социальных лифтов, мобильность).

Этот период историографии вводит в оборот понятие «*приватизация патриотизма*» — использование лояльности режиму для достижения личных целей. Зарубежные исследователи начинают анализировать противоречия: рост националистических настроений в школе 1930-х годов, которые государство пыталось контролировать, но не могло полностью подавить.

3.2.3. Современная зарубежная историография (1990—2020-е гг.)

Постсоветское открытие архивов привело к конвергенции подходов. Современная зарубежная историография (Э. Келли, Л. Холмс, М. Нойман) сосредоточена на микроисторических сюжетах: изучение конкретных школ, биографий учителей, детских дневников и писем.

Оценка периода 1917—1941 гг. сегодня формулируется через концепцию «*советской субъективации*». Исследователи приходят к выводу, что патриотическое воспитание было эффективно не столько из-за репрессивного аппарата, сколько из-за способности режима предложить молодежи захватывающую утопическую картину будущего, возможности самореализации и искреннюю веру многих педагогов в свой долг.

В англоязычной историографии последних лет активно обсуждается тема *эмоционального поворота*: как формировались чувства любви к Родине, страх, стыд и гордость в школьной практике 1930-х годов. Это позволяет уйти от бинарной оппозиции «тоталитарное зло — советское благо» и представить патриотическое воспитание как сложный культурный феномен, результаты которого оказались долговечнее политической системы, его породившей.

3.3. Современные дискуссии

Современные дискуссии в научном сообществе (как в России, так и за рубежом) вращаются вокруг следующих вопросов:

— **Проблема преемственности:** Можно ли говорить о «традициях» патриотического воспитания, если идеологическая основа (коммунистическая) радикально изменилась? В российской историографии этот вопрос решается через разделение понятий «гражданско-патриотическое» (ценностное) и «идеологическое» (конъюнктурное) воспитание.

— **Границы эффективности:** Является ли патриотическое воспитание 1930-х годов «эффективным»? Если да, то что считать критерием: формальную лояльность, участие в обороне 1941 года или глубину интериоризации ценностей?

— **Этика историка:** Как оценивать репрессивные аспекты (исключение «врагов народа» из школ, чистки учительского корпуса) в контексте воспитания патриотизма? Современная историография стремится к интегральной оценке, где репрессии не отменяют искренних порывов, но и не нивелируются «исторической необходимостью».

Историографический анализ показывает, что оценка советского патриотического воспитания в период 1917—1941 гг. прошла путь от политизированной публицистики через идеологизированный канон к академическому плюрализму. Ключевым достижением исторической науки на современном этапе стал переход от изучения «замыслов» власти к анализу «реализации» на микроуровне и восприятия этих замыслов рядовыми участниками образовательного процесса — учителями и учениками.

Перспективы дальнейших исследований лежат в области компаративистики (сравнение с системами патриотического воспитания в фашистской Италии, нацистской Германии), а также в углубленном изучении гендерных аспектов патриотизма (различия в воспитании мальчиков и девочек как будущих «защитников» и «матерей»). Осмысление этого исторического опыта необходимо не только для заполнения научной лакуны, но и для выработки методологически обоснованных рекомендаций для современной системы образования, стоящей перед вызовом формирования идентичности в условиях новой геополитической реальности.

Глава 4. Источниковая база и методологические ориентиры формирования патриотического воспитания (1917—1941)

Формирование советской системы патриотического воспитания в межвоенный период представляет собой уникальный историко-педагогический феномен, анализ которого невозможен без критического осмысления его источниковой базы. Если в первые послереволюционные годы доминировала идея «пролетарского интернационализма», отрицавшая «буржуазный» патриотизм, то к концу 1930-х годов советский патриотизм оформился в стройную доктрину, ставшую краеугольным камнем государственной идеологии. Данная глава посвящена анализу того, как институциональные решения (постановления партии), теоретические дискуссии (педагогическая периодика), личный опыт (мемуары) и нормативные документы (архивы Наркомпроса, учебники) формировали «матрицу» патриотического сознания подрастающего поколения.

4.1. Постановления партии как директивный фундамент воспитания

Партийные постановления 1920—1930-х годов выступали не просто как рекомендательные акты, но как жесткие директивы, задававшие онтологический вектор педагогике. Исследование этой группы источников позволяет проследить эволюцию от анархо-педагогических экспериментов 1920-х годов к жесткой унификации конца 1930-х.

Ключевым документом раннего этапа стало постановление ЦК РКП (б) «О политико-просветительной работе» (1920), которое, хотя и было посвящено ликвидации безграмотности, фактически легитимизировало монополию партии на формирование картины мира ребенка. Однако подлинным переломом, зафиксировавшим переход к патриотической парадигме, стало постановление ЦК ВКП (б) от 14 августа 1931 г. «О начальной и средней школе». Анализ этого документа показывает, что партия зафиксировала кризис «школы-кочевки» (лабораторно-бригадного метода) и потребовала возврата к систематическим знаниям.

Особое место в источниковой базе занимает постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (1934). В контексте патриотического воспитания этот акт знаменовал разрыв с концепцией «школы-труда» и утверждение историзма как инструмента воспитания. Впервые на высшем уровне была поставлена задача воспитывать детей на героическом прошлом русского народа, на примерах полководцев (Александра Невского, Суворова, Кутузова), чьи имена еще недавно исключались из программ как «царские генералы». Таким образом, постановления партии служат для исследователя хронологическими маркерами смены педагогической парадигмы: от отрицания национального прошлого к его мифологизации и сакрализации в интересах укрепления обороноспособности СССР.

4.2. Педагогические журналы («На путях к новой школе», «Педагогика») как пространство дискуссий

Если постановления задавали «линию», то педагогическая периодика стала той площадкой, где эта линия транслировалась в методiku, а также где проходили ожесточенные споры о формах патриотического воспитания. Наиболее репрезентативными источниками здесь выступают журналы «На путях к новой школе» (1922—1933) и «Педагогика» (преемник — «Советская педагогика», выходящая с 1937 г.).

Журнал «На путях к новой школе» в 1920-е годы был рупором педологов и сторонников «комплексного метода». Анализ его номеров за 1927—1929 гг. показывает попытки совместить патриотическую (тогда преимущественно «оборонно-массовую») работу с комплексным подходом. Например, в номерах, посвященных 10-летию Красной Армии, подробно разбирались методики «проведения оборонных недель» через изучение «комплекса»: производство (связь завода с армией), природа (военно-полевые условия) и социум. Однако именно на страницах этого журнала развернулась полемика между «педагогами-технологами» и «идеоло-

гами» о допустимости использования элементов русской старины в воспитании. К 1933 году журнал прекратил существование, уступив место более идеологизированным изданиям.

Совершенно иную роль сыграл журнал «Советская педагогика» (с 1937 г.). Анализ его статей середины 1930-х позволяет утверждать, что патриотическое воспитание окончательно обрело статус самостоятельной научной категории. Публикации Н. К. Гончарова, И. А. Каирова этого периода посвящены не столько методам «выявления классового врага» в сознании ученика, сколько методике воспитания «чувства любви к Родине». В качестве источников здесь активно выступают стенограммы Всесоюзных совещаний по педагогике, где критиковался «безродный космополитизм» первых лет революции. Таким образом, эволюция периодики отражает переход от поиска «революционной инновации» в воспитании к конструированию исторической преемственности.

4.3. Мемуары и эго-документы: реконструкция повседневности воспитания

Мемуарная литература (воспоминания педагогов-ветеранов, наркомов, а также «детей 1930-х») выполняет функцию «живого источника», позволяющего верифицировать официальные нарративы. В контексте данной главы особую ценность представляют мемуары Н. К. Крупской, которые, несмотря на их идеологизированность, фиксируют борьбу в Наркомпросе между «левым» крылом (отрицавшим авторитарность) и реалистами, требовавшими дисциплины.

Архивные мемуары учителей сельских школ (часто неопубликованные, отложившиеся в фондах региональных архивов при Наркомпросе) дают картину реализации патриотического воспитания «на земле». Эти источники свидетельствуют о колоссальном разрыве между риторикой столичных журналов и реальной работой в глубинке. Учителя вспоминают, как в начале 1930-х годов они вынуждены были скрывать от проверок учебники по истории с портретами царей, а к концу десятилетия — организовывать торжественные линейки, посвященные «предкам», чьи образы еще недавно табуировались.

Особый пласт — детские мемуары и автобиографии, собранные в рамках акций «История фабрик и заводов» (М. Горький). В них зафиксировано, как через пионерскую организацию происходила «прививка» патриотизма: от помощи колхозу (трудовой патриотизм) до участия в военизированных играх. Анализ эго-документов показывает, что для детей конца 1930-х годов патриотизм уже был не абстрактной идеей, а конкретным комплексом действий (сдача норм ГТО, сбор металлолома, тимуровское движение), укорененным в бытовой повседневности.

4.4. Учебники и учебная литература как инструмент мифотворчества

Учебники 1920—1930-х годов являются наиболее массовым и нормативно выверенным источником, отражающим, *какое именно* содержание вкладывалось государством в понятие «патриотизм».

В 1920-е годы доминировали «краеведческие» и «трудовые» учебники, где понятие Родины раскрывалось через призму локального производства и классовой борьбы. Хрестоматийным примером служит книга «Родная речь» (еще дореволюционной традиции) была вытеснена «Рабочей книгой по обществоведению», где история представала в виде схем классовых противостояний.

Радикальный поворот источниковой базы фиксируется в 1934—1937 гг. с выходом стабильных учебников истории под редакцией А. В. Шестакова (для 3—4 классов) и учебников для средней школы (проф. С. М. Дубровский, К. В. Базилевич). Эти учебники вводят в оборот и закрепляют на десятилетия вперед образы «национальных героев». Примечательно, что текст учебников строится на антитезе: «враги Родины» (половцы, монголо-татары, польская интервенция) — «защитники Отечества». Анализ языка этих источников показывает активное использование лексики воинской доблести («подвиг», «честь», «верность присяге»), которая была изъята из педагогического оборота в 1920-е годы как «реакционная».

4.5. Архивные материалы Наркомпроса: бюрократия воспитания

Завершающим и, возможно, наиболее объективным слоем источниковой базы являются архивные фонды Наркомпроса (в частности, фонд А. В. Луначарского, а также делопроизводственная документация Главсоцвоса). Хранение материалов осуществляется в ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации) и РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).

Анализ этих документов позволяет увидеть «обратную сторону» педагогических дискуссий. Ведомственные записки, циркуляры и доклады инспекторов рисуют картину перманентного кризиса: жалобы на отсутствие бумаги для учебников по патриотической тематике, отчеты о провале «оборонных дней» из-за формального подхода, а также (что особенно важно) чистки библиотечных фондов.

Архивные материалы фиксируют механизмы реализации партийных постановлений. Например, в фондах хранятся «перечни наглядных пособий», утвержденных для школ в 1937 году. Если сравнить перечни 1931 и 1937 годов, видно, как портреты Маркса и Энгельса дополняются портретами Суворова, Кутузова и героев гражданской войны (Чапаев, Щорс). Архивы также раскрывают механизм «внедрения» патриотизма через систему повышения квалификации учителей: программы курсов переподготовки 1938—1939 годов включают обязательные часы по «методике воспитания советского патриотизма», чего не было в программах 1920-х годов.

Заключение к главе

Проведенный анализ источниковой базы позволяет утверждать, что период с 1917 по 1941 год прошел в советской педагогике под знаком фундаментальной трансформации понятия «патриотизм». Если на начальном этапе (1917 — начало 1930-х) источники фиксируют разрыв с национальной традицией и попытки воспитания «интернационалиста-пролетария» через трудовые процессы и педологию, то к концу 1930-х годов на основе партийных директив, закрепленных в учебниках и архивных инструкциях Наркомпроса, складывается целостная система.

Главным выводом является то, что к 1941 году советское патриотическое воспитание представляло собой сложный симбиоз: оно вобрало в себя традиционные для русской педагогики XIX века формы (чествование героев, изучение исторических дат), наполнив их советским классовым содержанием. Источники свидетельствуют, что этот синтез стал возможен благодаря жесткой централизации (постановления партии) и унификации (стабильные учебники), пришедшим на смену педагогическому плюрализму 1920-х годов. Именно эта система, несмотря на ее противоречия и внутренние конфликты, зафиксированные в мемуарах и архивных отчетах, создала тот фундамент мировоззрения, который прошел испытание Великой Отечественной войной.

Глава 5. База исследования: печатные материалы и учебники как зеркало эпохи

Как было показано в предыдущих главах, период 1917—1941 гг. стал временем не только социально-политической, но и глубокой педагогической трансформации. Однако любое историко-педагогическое исследование было бы неполным без анализа тех «кирпичиков», из которых в прямом смысле складывалось мировоззрение «нового человека». Речь идет о печатных материалах и учебниках. Если постановления партии задавали вектор, а мемуары фиксировали живую реакцию, то учебная и методическая литература являлась тем самым инструментом, который ежедневно, час за часом формировал в сознании школьника матрицу советского патриотизма. В данной работе в качестве источников были использованы четыре основные категории печатных материалов, каждая из которых имеет свою специфику, степень идеологизации и информационную ценность.

5.1. Учебники для средней и начальной школы: от «обществоведения» к «истории героев»

Наиболее массовым и нормативно выверенным источником стали стабильные учебники, введенные после постановлений ЦК ВКП (б) 1931—1934 годов. Анализ этих книг позволил проследить эволюцию от классового нигилизма к государственному патриотизму.

1. Учебники «Краткого курса истории ВКП (б)» (1938 г. и последующие издания). Этот учебник, отредактированный лично И. В. Сталиным, стал не просто книгой по истории, а «катехизисом» советского человека. В контексте патриотического воспитания важно, что именно здесь была закреплена формула «советский патриотизм есть любовь к социалистической Родине». Анализ текста показывает разрыв с интернационализмом 1920-х: акцент смещается на защиту «первого в мире социалистического государства», а история партии подается как история борьбы за национальную независимость России.

2. Учебник А. В. Шестакова «История СССР» для 3—4 классов (первое издание — 1937 г.). Этот источник уникален тем, что он был предназначен для младших подростков. Именно здесь произошла та самая «частичная реабилитация» национальных героев. Сравнение первых изданий (1937) с переизданиями конца 1930-х показывает, как из текста уходят формулировки о «царистском гнете» применительно к Александру Невскому или Петру I, и акцент делается на защите рубежей Родины. Учебник Шестакова стал первым опытом создания линейного нарратива русской истории, где ключевыми понятиями стали «Отечество», «честь» и «подвиг».

3. Рабочие книги и буквари 1920-х годов. В качестве контраста и для анализа «нулевого цикла» в работе использовались дореволюционные буквари и ранние советские «Рабочие книги по обществоведению» (под ред. И. Кубикова). Эти источники демонстрируют полный разрыв с традицией: вместо рассказов о царях и полководцах — схемы классовой борьбы, слогги «Мы — не рабы», задачи на учет урожая в совхозе. Анализ их лексики фиксирует отсутствие самого слова «патриотизм» вплоть до 1934 года.

5.2. Педагогическая и методическая периодика: дискуссионная площадка идеологов

Вторым по значимости пластом источников стали центральные педагогические журналы, которые отражали не только официальную линию, но и подспудную борьбу мнений внутри Наркомпроса. 1. Журнал «На путях к новой школе» (1922—1933). Это издание было проанализировано как главный рупор педологии и «свободного воспитания» 1920-х годов. Номера за 1927—1929 гг. дают богатый материал о попытках внедрения метода проектов и Дальтон-плана. Особый интерес представляют статьи, посвященные «оборонно-массовой работе», где патриотизм (тогда еще без этого слова) трактовался как классовая бдительность и готовность к труду. Анализ публикаций этого журнала показывает момент кризиса (1930—1931), когда редакция перешла от апологии экспериментов к их критике под давлением партийных

органов. 2. Журнал «Советская педагогика» (с 1937 г.) и «Коммунистическое просвещение». Эти источники были использованы для изучения периода «Великого перелома» в педагогике. В отличие от «путейцев», здесь язык становится жестким и директивным. Публикации Н. К. Крупской, И. А. Каирова, А. С. Бубнова этого периода позволяют проследить, как теоретически обосновывался отказ от метода проектов и возврат к классно-урочной системе. Особую ценность представляют стенограммы совещаний, публиковавшиеся в журнале, где разворачивалась критика «левацких утопий» и формулировался идеал учителя-«инженера человеческих душ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.